

Т. Е. Гревцова

Ростов-на-Дону, Россия

БЛИНЫ В РУССКОМ СВАДЕБНОМ РИТУАЛЕ: КУЛЬТУРНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ И ОБРЯДОВАЯ СЕМАНТИКА¹

АННОТАЦИЯ. В статье предлагается анализ культурной семантики и терминологии блинов в русском свадебном обряде. Рассматриваются дериваты диалектных и общеупотребительных названий блинов и словосочетания, обозначающие действия с блинами, в русском свадебном ритуале.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русский язык, свадебные обряды, русские, блины, культурная терминология, обрядовая семантика, этнолингвистика.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Гревцова Татьяна Евгеньевна, младший научный сотрудник Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук.

Адрес: 344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, д. 41.

E-mail: tanyar_2@mail.ru.

T. E. Grevtsova

Rostov-on-Don, Russia

PANCAKES IN THE RUSSIAN WEDDING RITUAL: CULTURAL TERMINOLOGY AND RITUAL SEMANTICS

ABSTRACT. The article presents an analysis of cultural semantics and terminology of pancakes in the Russian wedding ritual. Derivates of dialectal and common names of pancakes and phrases denoting acts with pancakes in the Russian wedding ritual are considered.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания ФАНО России по проведению фундаментальных исследований по теме «Историко-культурное наследие народов юга России в условиях модернизации».

KEYWORDS: *Russian, wedding rituals, Russian pancakes, cultural terminology, ritual semantics, ethno-linguistics.*

ABOUT THE AUTHOR: *Grevtsova Tat'yana Evgen'evna, Junior Researcher of the Institute for Social and Economic Research and Humanities of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.*

Русский свадебный ритуал включает множество эпизодов, сопровождающихся застольями, неотъемлемой составляющей которых является присутствие на столе разнообразных хлебных изделий. Лишь немногие виды выпечки изготавливаются исключительно для свадьбы и получают специальные названия. Большинство изделий из теста, с которыми совершаются символические действия в ритуале, не являются собственно свадебными блюдами и используются и в других обрядах. Восстановление их культурной семантики требует не только обращения к совершаемым с этими реалиями действиям в свадьбе, но и привлечения сведений об их функционировании в других комплексах традиционной культуры.

Такое исследование может быть осуществлено в русле этнолингвистики. В рамках московской этнолингвистической школы была обоснована необходимость применения приемов языковой реконструкции для восстановления «плана содержания» народной культуры, которые включают внутреннюю реконструкцию, т.е. обращение к данным внутри одной традиционной культуры, и внешнюю реконструкцию — сопоставление материала родственных традиций [Толстой 1995а: 43–44]. Значимым источником реконструкции славянской духовной культуры становится специальная обрядовая лексика — культурная терминология, одновременно принадлежащая языку и культуре и обозначающая наиболее значимые элементы последней [Толстая 2008: 211]. Среди таких терминов можно выделить общеупотребительные лексемы, приобретающие в обрядовом контексте особые культурные коннотации, которые не получают отражения в языке [Толстой 1995б: 289–290].

Данная статья посвящена анализу культурной терминологии и семантики блинов в русском свадебном ритуале. Источниками для исследования послужили опубликованные описания русской свадьбы и диалектные словари русского языка. В русской

традиции блины употребляются также в похоронно-поминальных и календарных обрядах, материалы которых помогают реконструировать культурную семантику этих изделий из теста. В качестве материала для внешней реконструкции привлекались описания украинских и белорусских свадеб, с которыми русский ритуал имеет общие корни и сохраняет тесную связь.

Блины — одно из традиционных блюд у восточных славян, главным образом у русских. Считается, что основной культурной семантикой блинов является поминальная, связанная с представлениями о смерти и том свете, поскольку с этой выпечкой совершаются различные ритуальные действия во время похоронного обряда, а также календарных обрядов, которые соотносятся с тематикой смерти [Гура, Лаврентьева 1995: 193]. В русском свадебном обряде такая семантика блинов проявляется в эпизодах прощания невесты со своими подругами и прежней, девичьей долей, так как обрядовый переход девушки в народной традиции осмысливается как символическая смерть в прежнем статусе и рождение в новом [Гура 2012: 86]. Например, в Ярославской области накануне венчания устраивали застолье, называемое *блинкі*, к которому готовили блины. Их клали стопкой, делали в ней ямку и вливали туда масло. После застолья «хоронили» невесту [ЯОС, 1: 63]. Угощение блинами накануне свадьбы также было распространено в Костромской области [Снегирев 1839: 145; Терещенко 1848: 171; Традиционные обряды 1985: 115] и на территории Северного Прикамья [Макашина 1987: 60]. В Луганской области Украины накануне свадьбы проходило прощание жениха с холостяцкой жизнью — *млинци* [Магрицька 2003].

Поминальная символика блинов присутствует и в некоторых послесвадебных обрядах. Например, в Пензенской губернии в доме невесты на другой день после венчания устраивали обряд, называемый *блины*, во время которого происходило символическое прощание с покойником — наряженным мужчиной или женщиной. После «оживания» покойника участников ритуала угощали блинами [Астров 1905: 455]. М. Г. Матлин предлагает не относить послесвадебные игры в покойника напрямую к похоронному ритуалу, а рассматривать их наряду с подобными святочными, масленичными, другими календарными обрядами. Он приходит к выводу, что игра в покойника в свадебном обряде «не только типологически совпадает с соответствующей святочной игрой, но и восходит к ней» [Матлин 2015: 116].

Блины воплощают прежнюю долю невесты, ее жизнь в роди-

тельском доме. У русских широко распространено посещение новобрачными дома ее родителей, где их угощали блинами. У оренбургских казаков во время *блинного стола*, устраиваемого на второй день свадьбы в доме родителей невесты, теща накрывала голову зятя блином, брала ложку масла и мазала его волосы. Зять, взяв блины, накрытые тарелкой, переворачивал их, а тарелку бросал, стараясь попасть в матицу [Очерки 2005: 354]. На Русском Севере теща могла и сама привозить блины новобрачному [Гура 2012: 355; Традиционные обряды 1985: 293]. На Дону на следующий день после венчания молодую жену кормили блинами, принесенными из дома ее родителей [Дианова 2008: 111]. В других эпизодах свадьбы блины получают и иную символику. Так, у русских отказ сватам мог выражаться формулами *дать блин* [Березович 2007: 251] и *получить блин* [НОС: 895]. Е. Л. Березович доказала, что появление таких словосочетаний обусловлено семантикой удара, битья, присущей плоской выпечке, в том числе и блинам. Кроме того, блины в свадебном ритуале символизируют утраченную девственность, что также могло повлиять на появление таких выражений [Березович 2007: 251–252].

Широко распространены обрядовые действия с блинами на этапе послесвадебья. Они разнообразны как по ритуальному воплощению, так и по семантике. Рассмотрим каждое из таких действий.

Раздача блинов гостям на следующий день после свадебного застолья семантически сближается с раздачей частей свадебного карава, символизирующей перераспределение общей доли между участниками обряда [Байбурин 1998: 80]. Эту связь подтверждает и параллелизм словосочетаний, обозначающих раздачу блинов и частей карава (*давать на блины* [СРГС, 1, ч. 2: 12], *класть на блины* [СРГС, 2: 58], *класть к блинам* [СРНГ, 41: 194] — *давать на каравай* [СРНГ, 13: 65], *класть на каравай* [СДГВО: 243]). В Ярославской и Новосибирской областях за блины молодым дарили деньги [Русские крестьяне, 2, ч. 1: 429; СРГС, 4: 425]. На Урале на второй день новобрачная пекла блины, за что ей давали подарки или деньги [СРГСУ: 30; ССГ, 1: 91]. В Архангельской области во время угощения блинами мать дарила жениху рубаху, называемую *блiнной рубахой* [АОС, 2: 34]. В Смоленской губернии на второй день свадьбы молодая жена пекла *званые блины* и получала за них деньги [Терещенко 1848: 459]. У белорусов Могилевской губернии она подносила блин каждому гостю [Гура 2012: 355].

Как уже было сказано, семантика блинов в свадебном ритуале связана с символикой девственности невесты. В эпизодах по-

слесвадебья обрядовые действия с этими изделиями из теста могут воплощать ее утрату во время брачной ночи. У русских широко распространено угощение молодого на второй день свадьбы, во время которого он с помощью определенных действий с блинами демонстрировал, сохранила ли невеста девственность до брака. Если девушка оказалась «честной», новобрачный разбивал тарелку из-под блинов [Зорин 2004: 100–101; Макашина 1987: 67], кусал или протыкал ножом блин [Традиционная культура 2012, 1: 304], откусывал блин с краю [СДГВО: 45], бережно брал, а не комкал блин [Русские крестьяне, 5, ч. 2: 561], дарил матери невесты рубль [Балашов, Марченко, Калмыкова 1985: 378; Лаврентьева 1990: 45].

В случае утраты невестой девственности до свадьбы жених откусывал середину блина, клал его на стопку блинов и не ел их, вырезал в блинах клин [Лаврентьева 1990: 45], давал теще мелочь вместо целого рубля [Балашов, Марченко, Калмыкова 1985: 378], дарил ей «худой» блин [Гура 2012: 355]. У белорусов Могилевской губернии, если новобрачная оказалась «нечестной», после брачной ночи мужчины пробивали блин пальцем [Гура 2012: 355]. В Луганской области Украины в случае своей «нечестности» невеста после брачной ночи пекла блины, надев кожух [Магрицька 2003]. В Минской губернии молодая жена пекла блины только в случае сохранения невинности до брака [Довнар-Запольский 1888: 24–25]. В белорусском свадебном ритуале сходную функцию послесвадебного блюда выполняла яичница: если невеста была «честной», свекровь угощала ее и всех присутствующих яичницей, украшенной цветами из теста, в противном случае на стол подавали «поколупанную» яичницу и мед [Этнаграфія Беларусі 1989: 129].

Связь семантики блинов с девственностью невесты подтверждает и шуточный обряд, называемый *продолбить блин*, который устраивали после первой брачной ночи в Томской и Кемеровской областях. Жениха и невесту сажали за стол и в присутствии гостей прорезали блин и проливали в образовавшуюся дырку вино [СРГС, 4: 30]. В Архангельской области на другой день после свадьбы молодоженов *проздравляли с блинами* [СРНГ, 32: 140]. О такой символике блинов свидетельствует и их ритуальное использование в других эпизодах обряда. Например, в Нижегородской области во время смотрин мать невесты подавала жениху блины и тупой нож со словами: «Блинки изрежь, ножа не погни, блинов не помни, маслица не пожми». Жених втыкал тупой нож в потолок и резал блины своим, острым ножом [Даль 1879, 2: 342–343].

Блины были традиционным угощением новобрачных на второй день свадьбы. В Костромской и Вологодской губерниях их подавали молодым после бани [Русские крестьяне, 5, ч. 4: 208; Терещенко 1848: 183]. В Кадниковском уезде Вологодской губернии новобрачные вместе съедали первую *шаньгу* — блин из крупичатой муки, испеченный свекровью [Русские крестьяне, 5, ч. 2: 409], в Вологодском уезде на второй день их кормили *олашками* [Русские крестьяне, 5, ч. 1: 530]. Во время такого угощения иногда происходила шуточная проверка молодых супругов. В рязанской свадьбе они должны были разрезать стопку блинов [Самоделова 1996: 27]. Интересно, что у донских и кубанских казаков разрезание хлеба, принесенного сватами в дом невесты, — один из способов проверки хозяйственных способностей девушки во время начальных эпизодов ритуала [Гревцова 2016: 107–109]. В Архангельской области молодого мужа, который нерасторопно макал блин в масло, называли «жених в масле» [СГПС, 3: 356]. В Костромской губернии новобрачный должен был распутать перепутанные концы блинов, начиненных яйцами, не разрезая их [Снегирев 1839: 150]. Хозяйственные способности молодой жены проверяли ее умением испечь блины [Русские крестьяне, 3: 160; Шейн 1900: 660]. В Белгородской области на третий день свадьбы свекровь подавала гостям, пришедшим «искать невесту», подгорелые блины, якобы испеченные молодой [Климова 2007: 43].

От слова *блин* в русских диалектах образованы некоторые терминологические словосочетания, которые отражают совершение ритуальных действий с ними в свадебном обряде (*да́вкий блин* ‘блин, который подносит невеста на свадьбе гостям; те, кто подавится блином, должны поцеловаться’ [СРГСУ: 125], *блины званые* ‘блины, которые пекутся на второй день свадьбы и за которые гости дают деньги’ [Терещенко 1848: 459]). Обрядовое действие этапа послесвадебья, когда мать молодой жены угощает новобрачного блинами, было широко распространено и послужило причиной появления некоторых названий с корнями *тёщ-* и *зят-*. Так, в Псковской области большой блин, которым угощали зятя, называли *зятний блин* [ПОС, 2: 42]. Наименования обрядов послесвадебья, образованные от этих корней, часто обозначают один и тот же эпизод свадьбы (*тёщины блины* 1) ‘обед у родителей молодой на второй день свадьбы, во время которого происходило угощение блинами’ [СДГВО: 45; СРГС, 5: 51]; 2) ‘название одного из дней Масленицы, когда молодые приезжают в гости к родителям невесты’ [Подюков, Хоробрых, Антипов 2004: 23], *к тёще на блины*

‘приезд молодых к родителям невесты на второй день свадьбы’ [СДГВО: 45], *зятьевые блины* 1) ‘угощение тещей зятя блинами на второй день’ [Гура 2012: 492]; 2) ‘название одного из дней Масленицы, когда молодые приезжают в гости к родителям невесты’ [Подюков, Хоробрых, Антипов 2004: 23]).

Термины, обозначающие обряды послесвадебья, производные от слова *блин*, широко распространены у русских. Они могут относиться к угощению зятя блинами (*блины́* [АОС, 2: 35; СГРС, 3: 356]), посещению новобрачными родителей жены (*блины́* [СРНГ, 3: 24; Подюков, Хоробрых, Антипов 2004: 23], *на блины́* [ЯОС, 6: 76], *блинкí* [ЯОС, 1: 63], *на блинки* [Традиционная культура 2012, 2: 489]), изготовлению блинов молодой (*блины́* [СРГСУ: 30], *невёстины блины́* [СРГС, 1, ч. 1: 72], *блúnно(е)* [АОС, 2: 34]), угощение у родителей жениха (*блины́* [ПОС, 2: 42], *на блины́* [СРНГ, 11: 210; СРГС, 1, ч. 1: 134], *блúnный стол* [СРНГ, 3: 25]), продаже блинов гостям (*блиновáнье* [СРГС, 1, ч. 1: 72]), символическим похоронам одного из участников свадьбы (*блины́* [Астров 1905: 455]). Приведенные примеры показывают, что один и тот же термин может обозначать различные ритуальные действия, имеющие разную обрядовую семантику, совершаемые разными участниками свадьбы и происходящие в разных обрядовых локусах. Поэтому при исследовании таких названий важным является анализ не только их языковых свойств, но и обращение к ритуальной ситуации и символике совершаемых с блинами обрядовых действий.

Культурный термин *блин* является мотивационной базой для некоторых наименований персонажей ритуала, а также обрядовых атрибутов. Названия участников свадьбы, производные от этого слова, как и предыдущая группа слов, обозначающих эпизоды обряда, связаны с этапом послесвадебья. Например, девочку, приносящую новобрачным блины на второй день свадьбы, называли *блúnницей*, *блинóчницей* [СРНГ, т. 3, с. 25], гостя, который приезжал на блины после свадьбы, — *блúnщиком* [СвятГ, 1–2: 81]. В Ярославской области *блúnником* называли кучера в свадебном поезде [ЯОС, 1: 63], в Свердловской — зятя, принятого после свадьбы в дом жены. Последнее значение слова *блинник*, как уже было сказано, обусловлено тем, что блины связаны с невестой, ее долей и прежней жизнью в родительском доме.

Названия элементов предметного кода русской свадьбы, образованные от термина *блин*, связаны с угощением блинами на другой день свадьбы (*блúnная руба́ха* ‘рубаха, которую подает мать жениху вместе с блинами’ [АОС, 2: 34], *блúnный стака́н*

‘стакан вина, который подносили вместе с блинами каждому родственнику’ [СРГС, 4: 425], *подáрок на блины́* ‘деньги, которые гости дарят новобрачным на второй день свадьбы’ [СРНГ, 27: 331]). Интересно, что в вологодских говорах такими же отношениями мотивации связаны слова *шаньги* ‘блины из крупчатой муки, подаваемые свекровью на второй день свадьбы’ и *шанежник* ‘платок, который невестка дарит свекрови за угощение шаньями на второй день свадьбы’ [Русские крестьяне, 5, ч. 4: 208]. Как и от лексемы *блин*, от слова *шаньга* образовано название мужа, живущего в доме жены после свадьбы, – *шанежник* [СВГ, 12: 67]. Таким образом, культурные термины *блин* и *шаньга* вступают в синонимические отношения в группе русской свадебной лексики не только на уровне обрядовой семантики, но и на уровне словообразовательных дериватов.

Со словом *блин* образованы словосочетания, обозначающие ритуальные действия с блинами. Уже были упомянуты выражения *давать на блины*, *класть на блины*, *класть к блинам*, связанные с дарением новобрачным подарков или денег на второй день свадьбы и сходные с формулами, сопровождающими раздачу каравая, *блин продолжать* и *проздравлять с блинами*, относящиеся к действиям второго дня свадьбы. Кроме того, специальные обозначения получают посещения молодыми родителей жены после свадьбы (*ехать на блины* [СРНГ, 3: 24], *ехать на блинки* [Даль 1879, 2: 345], *ехать к тёще на блины* [Подюков, Хоробрых, Антипов 2004: 55], *приходить на блины* [ССГ, 1: 191], *йисть блины* [Рязанская традиционная культура 2001: 122]). Только от термина *блин* в русской свадебной лексике образуются глаголы, обозначающие обрядовые манипуляции с данным видом выпечки (*блинiть*, *блинничать* ‘дарить подарки жениху вместе с угощением блинами во время свадьбы’ [АОС, 2: 34], *блиновáть* ‘угощать блинами во время свадебного обряда’ [СРГС, 1, ч. 1: 72]).

Синонимы культурного термина *блин* обнаруживаются в основном на Русском Севере. Уже были рассмотрены отношения синонимии между этим термином и словом *шаньга*, которое зафиксировано в вологодских говорах. Другие синонимы лексемы *блин* обозначают изделия из теста, используемые только в одном обрядовом эпизоде, и не становятся основой для номинации других элементов ритуала. Так, в Костромской области во время богомоля, совершаемого перед свадьбой, к столу подавали *выпекуши* — толстые блины на дрожжах [Традиционные обряды 1985: 100]. В Тверской и Костромской областях такие блины, называе-

мые *опекуши*, подносили невесте во время девичника накануне венчания [Снегирев 1839: 145; Традиционные обряды 1985: 115]. В Заонежье на Масленицу, если теще не нравился жених, она подавала ему *припечники* — двухслойные блины на молоке или воде, которые заливались болтушкой из пшеничной муки на молоке и вместе прожаривались [Гура 2012: 356]. В Архангельской губернии во время девичника тарелки с едой закрывали блинами из густого пресного теста, испеченными на углях, которые называли *сочни*. В день свадьбы в доме молодого *сочнями* угощали женщин, не приглашенных на свадьбу [Гура 2012: 354].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о значимости ритуального использования блинов в русском свадебном обряде, необходимости обращения при реконструкции культурной семантики этого атрибута свадьбы к похоронно-поминальным обрядам. Однако символика блинов в русском свадебном обряде связана не только с символической смертью невесты и ее последующим воскрешением, но и с другими, собственно свадебными мотивами (дефлорации, проверки хозяйственных способностей новобрачных, получения новой доли участниками ритуала). Анализ свадебных терминов, связанных мотивационными и парадигматическими отношениями с культурным термином *блин* в русской свадебной лексике, выявил его взаимосвязь с наименованиями элементов других кодов ритуала и показал, что он является одним из ключевых культурных терминов русской свадебной лексики.

ЛИТЕРАТУРА

АОС — Архангельский областной словарь. Вып. 1–16 / под ред. О. Г. Гецово́й. — М.: МГУ; Наука, 1980–2015.

Астров Н. Крестьянская свадьба в селе Загоскине Пензенского уезда // Живая старина. — 1905. Вып. 3–4. С. 415–458.

Байбу́рин А. К. Обрядовое перераспределение доли у русских // Судьбы традиционной культуры. — СПб.: Дмитрий Була́нин, 1998. С. 78–82.

Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И. Русская свадьба. Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и Уфтюге (Тарногский район Вологодской области). — М.: Современник, 1985. 390 с.

Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. — М.: Индрик, 2007. 600 с.

Гревцова Т.Е. Культурная терминология русской свадьбы на восточнославянском фоне: обрядовый хлеб: дис. ... канд. филол. наук. — Ростов н/Д., 2016. 319 с.

Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. — М.: Индрик, 2012. 936 с.

Гура А. В., Лаврентьева Л. С. Блины // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 1: А–Г. — М.: Международные отношения, 1995. С. 193–196.

Даль В. И. Пословицы русского народа: в 2 т. — М.; СПб, 1879.

Дианова Т. Б. Традиционное свадебное застолье на Дону // Традиционное русское застолье: сборник статей. — М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. С. 96–117.

Довнар-Запольский М. В. Белорусская свадьба и свадебные песни. — Киев: Типография А. Давиденко, 1888. 38 с.

Зорин Н. В. Русский свадебный ритуал. — М.: Наука, 2004. 248 с.

Климова Я. М. Праздники и обряды Белгородчины: сборник фольклорных материалов по традиционным праздникам и обрядам, народным играм Белгородской области. — Белгород: Издание БГЦНТ, 2007. 111 с.

Лаврентьева Л. С. Хлеб в русском свадебном обряде // Этнокультурные традиции русского сельского населения XIX — начала XX в. Вып. 2. — М.: ИЭ АН СССР, 1990. С. 5–66.

Магрицька І. В. Словник весільної лексики українських східнословобожанських говірок (Луганська область). — Луганськ, 2003. Режим доступа: <http://www.ruthenia.info/txt/magrytskai/slovnyk.html> (дата обращения: 03.04.2012).

Макашина Т. С. Свадебный обряд Северного Прикамья // Играем свадьбу: сборник / сост. С. Г. Заградская. — М.: Сов. Россия, 1987. С. 50–68.

Матлин М. Г. Смех в русской народной свадьбе XIX–XXI вв.: типологический и функциональный аспекты. — Ульяновск: Изд-во ФГБОУ ВПО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», 2015. 272 с.

НОС — Новгородский областной словарь / Ин-т лингв. исслед. РАН; изд. подгот. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников. — СПб.: Наука, 2010. 1435 с.

Очерки традиционной культуры казачеств России / под общ. ред. Н. И. Бондаря. Т. 2. — Краснодар: ЭДВИ, 2005. 632 с.

Подюков И. А., Хоробрых С. В., Антипов Д. А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прика-

мья. — Усолье, Соликамск, Березники, Пермь: Пермское книжное издательство, 2004. 360 с.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–24. — Л.–СПб.: Изд-во Ленинградского университета; Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1967–2013.

Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 1–5. — СПб.: ООО «Деловая полиграфия», 2004–2007.

Рязанская традиционная культура первой половины XX века. Шацкий этнодиалектный словарь / авт.-сост. И. А. Морозов, И. С. Слепцова, Н. Н. Гилярова, Л. Н. Чижикова. — Рязань: Изд. РязЦНТ, 2001. 488 с.

Самоделова Е. А. Каравайная традиция рязанской свадьбы // Рязанский этнографический вестник. [Т. 21]. Этнография и фольклор Рязанского края: материалы Российской научной конференции к 100-летию со дня рождения Н.И. Лебедевой (1-е Лебедевские чтения), 6–8 декабря 1994 г. — Рязань: Рязанский областной научно-методический центр народного творчества, 1996. С. 25–32.

СВГ — Словарь вологодских говоров. Учебное пособие по русской диалектологии. Вып. 1–12. — Вологда, 1983–2007.

СвятГ — Областной словарь вятских говоров. Вып. 1–8. — Киров: Изд-во ООО «Коннектика»; изд-во «Экспресс»; изд-во ВятГГУ; изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2004–2012.

СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–2009. Т. 1–4.

СДГВО — Словарь донских говоров Волгоградской области. Около 17000 слов / под ред. проф. Р. И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. — Волгоград: Издатель, 2011. 703 с.

Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 4. — М.: Университетская типография, 1839. 244 с.

СРГС — Словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Федорова. Т. 1–5. — Новосибирск: Наука, 1999–2006.

СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / под ред. А. К. Матвеева. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. 580 с.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. — М., Л.: Наука, 1965–2013. Вып. 1–46.

ССГ — Словарь смоленских говоров. Вып. 1–11. — Смоленск: СГПУ, 1984–2005.

Терещенко А. В. Быт русского народа. Т. 2. Свадьбы. — СПб.: Типография военно-учебных заведений, 1848. 619 с.

Толстая С. М. Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. — М.: Индрик, 2008. С. 210–225.

Толстой Н. И. Культурная семантика славянского **vesel-* // Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Изд. 2-е, испр. — М.: Индрик, 1995. С. 289–316 (Толстой 1995а).

Толстой Н. И. Проблемы реконструкции древнеславянской духовной культуры // Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Изд. 2-е, испр. — М.: Индрик, 1995. С. 41–60 (Толстой 1995б).

Традиционная культура Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь: в 2 т. / колл. авт. И. С. Кызласова, А. П. Липатова, М. Г. Матлин, И. А. Морозов и др. — М.: Индрик, 2012.

Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья / сост. Г. Г. Шаповалова, Л. С. Лаврентьева. — Л.: Наука, 1985. 343 с.

Шейн П. В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Т. I. Вып. 2. — СПб.: Типография императорской академии наук, 1900.

Этнаграфія Беларусі: Энцыклапедыя (Беларус. Сав. Энцыкл.). — Мінск: БелСЭ, 1989. 575 с.

ЯОС — Ярославский областной словарь: учебное пособие. Вып.1–10. — Ярославль: ЯГПИ имени К.Д. Ушинского, 1981–1991.